

Николай Иванович Бухарин
К постановке проблем теории
исторического материализма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171597

Содержание

Николай Иванович Бухарин

К постановке проблем теории исторического материализма (Беглые заметки)

В своей книге «Теория исторического материализма» я пытался не только повторить то, что было сказано и раньше, но, с одной стороны, дать некоторые другие формулировки того же самого, с другой – уточнить и развить положения теории исторического материализма, продвинуть дальше разработку его проблем. Как известно, Энгельс незадолго до своей смерти говорил, что в области исторического материализма сделаны еще только первые шаги. Казалось бы, что прямой задачей учеников великих учителей является разработка проблем теории. Но такова уже сила консерватизма мысли человеческой, что многие органически не в состоянии понять этой задачи.¹ Между тем постановка и решение

¹ Плеханов в предисловии к «Критике наших критиков» пишет: «Статьи гг.

таких проблем является злобой дня. Литература противников возросла в огромной степени. Контратака с нашей стороны необходима, и притом на все повышающейся основе наших собственных теоретических положений. В настоящих «беглых заметках» я попытаюсь набросать мотивировку тех «новшеств», которые имеются в моей книге, – новшеств, которые все – я это утверждаю – идут по линии «наиболее ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса».²

1. «Механическое» и «органическое». До последнего времени в нашей среде эти понятия противопоставлялись. В области общественных наук мы, марксисты, протестовали против «механического объяснения», предпочитая говорить об «органических» связях и т. д., хотя отнюдь не разделяли предрассудков так называемой «органической школы» в социологии.

С тех пор появилось два решающих фактора: во-первых,

субъективистов и народников... убедили меня в том, что они, запомнив наши термины, не дали себе отчета в понятиях... Чтобы убедить в этом также и читателей, я решил изложить нашу теорию другими словами. Вышло то, чего я ожидал. Один из самых крупных противников наших, не разобрав, в чем дело, закричал, что я отказался от „экономического материализма“... Что противники попались, об этом я, разумеется, не жалел, но вот что было печально. Меня не поняли также и некоторые единомышленники – они, как видно, тоже запомнили одни слова...» (1. с., с. 6) К сожалению, порода единомышленников, запоминающих одни слова, не перевелась еще даже в Советской России... Но об этом – в другом месте.

² Бухарин Н. Теория исторического материализма. Предисловие.

переворот в представлениях о строении материи; во-вторых, чрезвычайный рост идеализма в официальной буржуазной науке. Революция в учении о строении материи в корне изменила представление об атоме как абсолютно изолированной единице. Между тем именно это старое представление об атоме переносилось на индивидуум (и «атом», и «индивидуум» – по-русски переводятся одним и тем же словом: «неделимое»). Робинзонады в общественных науках в точности соответствовали атомам старой механики. Между тем в области общественных наук речь и шла как раз о преодолении робинзонад. Нужно было выдвинуть со всей силой и решительностью общественную точку зрения, что и было гениально выполнено Марксом в противовес индивидуалистическим теориям буржуазии, включая сюда и блестящих «классиков» политической экономии (Смит и Рикардо). Правильны ли были протесты против «механического» в области общественных наук? Конечно, да.

Но нельзя запоминать одни термины, не понимая сути дела. Теперь правильное диалектически превращается в свою собственную противоположность. Ибо современное представление о материи опрокинуло старые взгляды. Изолированный и бескачественный атом скончался. Элемент связи, взаимозависимости, нарастания новых качеств и т. д., восстановлен во всех правах. Противопоставление «механического» и «органического» с этой точки зрения стало бессмысленным.

С другой стороны, рост идеализма в буржуазной науке и философии привел к «органическому» мистицизму. Понятие «жизни» стало мистическим (Бергсон, Дриш and С°). Что же следует отсюда? Отсюда следует изгнание из нашей идеологии старого противопоставления, если только мы хотим всерьез бороться за материалистическое мировоззрение вообще и материалистическую общественную науку в частности.

2. Диалектика и теория равновесия. Маркс, как известно, освободил диалектику от мистической оболочки, выставив положение, что диалектика, как мыслительная категория, есть отражение диалектики в процессе реального, материального становления, ибо «идеальное» есть лишь переведенное в человеческом мозгу на специфический язык материальное. Однако до сих пор – и притом в возрастающей степени – делаются попытки оторвать мыслительный процесс от процесса материального, – попытки превратить диалектику в исключительно мыслительную конструкцию, в некоторый метод, которому не соответствует какая бы то ни было реальность. Типичным является в этом отношении «австромарксизм» с Максом Адлером во главе. Как нужно бороться с этим извращением марксизма – извращением явно антиматериалистическим? Совершенно очевидно, что нужно вскрывать материальный корень диалектики, т. е. в формах движущейся материи находить то, чему «соответствует» диалектическая формула Гегеля. Непрестанное столкнове-

ние сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение – другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т. д. – вот что реально соответствует гегелевской триединой формуле. Что «нового» вносит это толкование? По существу, это то же самое. Но здесь указывается на материальный процесс и на движение материальной формы. Другими словами, здесь – диалектика материального становления, идеально выражаемая гегелевской триадой.

Совершенно неправильным является упрек в механичности такой формулировки. Неправильным он является потому, что нельзя современную механику противопоставлять диалектике. Если механика не диалектична, т. е. недиалектично и все движение, то что же остается от диалектики? Наоборот. Движение составляет, если так можно выразиться, материальную душу диалектического метода и его объективную основу.

Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее мистической шелухи в действии, т. е. материалистически применяя диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества. Речь идет теперь о теоретическо-систематическом изложении этого метода и его такого же теоретическо-систематического обоснования. Это и дается теорией равновесия.

Теория равновесия имеет, кроме того, еще один немаловажный аргумент за себя: она освобождает мировоззрение

от телеологического привкуса, неизбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая покоится на саморазвитии «Духа». Вместо эволюции (развития), и только эволюции, она позволяет видеть также случаи разрушения материальных форм. Тем самым она является и более общей и очищенной от идеалистических элементов формулировкой законов движущихся материальных систем.

3. Теория равновесия и производительные силы. Основным для теории исторического материализма вопросом является вопрос о том, почему производительные силы привлекаются в качестве объясняющей все («в конечном счете») последней причины. Здесь в марксистских рядах (в том числе и в наших, ортодоксально-марксистских, коммунистических рядах) царит довольно сильный разнобой... Очень часто дело сводят к явно негодной «теории факторов», причем производительные силы заменяются производственными отношениями («экономический фактор»). Часто по существу поднимают вопрос о курице и яйце с точки зрения их «генезиса». Даже решение Плеханова (в «Монистическом взгляде») явно неудовлетворительно. Как он ставит вопрос? Он берет контрверзу между двумя направлениями мысли: одним, которое утверждает: «мнения правят миром», и другим, которое полагает, что «условия жизни создают человека». В наших терминах можно говорить о надстройках и базисе. Влияет надстройка на базис? Да. Базис на надстройку? Тоже да. И Плеханов соглашается, что в такой постановке

вопроса не решить. Где же решение? По Плеханову, оно в том, что обе эти взаимодействующие величины зависят от третьей величины (производительных сил). И вот это обстоятельство-то и решает всю проблему.

Однако не трудно видеть, что вопрос таким образом может быть отодвинут, но не решен. В самом деле, влияют надстройка и экономика обратно на производительные силы? Да. Производительные силы на экономику и надстройку? То же да. Вопрос «воспроизводится на новой основе» – только и всего.

Это же есть центральный вопрос социологии. Ибо если не дать на него ответа в духе методологического монизма и пытаться найти себе убежище под крылышком «теории факторов», то тогда, как совершенно справедливо замечает буржуазный немецкий профессор E. Brandenburg, речь будет идти «лишь о количественной разнице при оценке хозяйственных и духовных влияний».³ А это, во-первых, будет теория, которая ровно ничего не объясняет; во-вторых, это будет все, что угодно, но только не марксизм.

Проф. Brandenburg делает в сторону такого марксизма изящный реверанс. А по отношению к настоящему материалистическому пониманию истории сей профессор пишет:

³ Brandenburg E. Prof. an der Universitat, Leipzig, «Die materialistische Geschichtsauffassung, ihr Wesen und ihre Wandlungen», 1920. Verl. von Quelle & Meyer in Leipzig, S. 58: «... – so handelt es sich nur noch um Gradunterschiede in der Bemessung wirtschaftlicher und geistiger Einflüsse» («...речь идет всего лишь об уровне различия в измерении экономического и духовного влияния» (нем.))

«Оно хочет свести все движение (alle Wandlungen) совместной жизни людей к переменам в области производительных сил; но оно не может объяснить, почему эти последние сами должны постоянно меняться и почему это необходимо должно происходить в направлении к социализму».⁴

Вот на этой формуле г-на профессора всего лучше можно заострить нашу собственную методологию при решении данной, повторяю, центральной социологической проблемы.

Ответ на этот вопрос – ответ, который я считаю единственно правильным, таков: производительные силы определяют общественное развитие потому, что они выражают собой соотношение между обществом как определенной реальной совокупностью и его средой... А соотношение между средой и системой есть величина, определяющая в конечном счете движение любой системы. Это есть один из общих законов диалектики движущейся формы. Это есть та рамка, внутри которой происходят молекулярные перемещения сил, завязываются и развязываются бесчисленные узлы взаимодействий и противоречий. Пусть производительные силы испытывают изменения под влиянием «базиса» и «надстроек». Констатирование этих влияний не изменяет ни капли основного факта: соотношение между обществом и природой, количеством материальной энергии, за счет которой общество живет и которая может как угодно трансформироваться в процессе общественной жизни, есть всякий раз

⁴ Ibid., I. с. 58.

определяющая величина.

Так, и только так может быть решен основной вопрос теории исторического материализма.

4. Производственные отношения. Производственные отношения, по Марксу, есть материальный базис общества. Между тем у целого ряда идеологических группировок в марксизме (или в «марксизме») существует непреодолимое стремление «спиритуализировать» этот материальный базис. Победное шествие психологической школы и психологического метода в хорамах буржуазной общественной науки не могло не «инфицировать» марксистских и полумарксистских кругов. Это явление шло нога в ногу с повышавшимся влиянием школьной идеалистической философии вообще. Под материальный базис Маркса стали подводить «идеальный», психологический базис австрийской школы (Бём-Баверк), Л. Уорда и *tutti quanti*.⁵ Застрельщиком и здесь выступил теоретически растленный австромарксизм. Материальный базис стали трактовать в пикквикском смысле. Экономика, способ производства оказались нижним рядом психических взаимодействий. Твердый костяк материального исчез из-под общественного здания.

В русской литературе эта «психологизация» марксизма была очень последовательно проведена в сочинениях А. А. Богданова. По Богданову, даже техника – это не вещи, а умение людей работать при помощи определенных орудий труда,

⁵ И всякие другие (лат.)

их, так сказать, психологический тренаж. Совершенно очевидно, что такой психологизированный марксизм есть явное отклонение от подчеркиваемого *con amore* Марксом материализма в социологии.

Но как все же трактовать материальность производственных отношений?

Мне кажется, что точного ответа на этот вопрос в марксистской литературе не давалось, и отчасти поэтому «психологические» конструкции, которым нельзя отказать в известного рода цельности и продуманности, оказывают влияние на марксистские умы.⁶

Как же решить эту задачу? Противник выставляет ряд дельных аргументов. Самым важным аргументом является то соображение, что понятие отношения между людьми предполагает их психическое взаимодействие. Таким образом, трудовая связь есть связь психически трудовая. Так как не подлежит никакому сомнению, что процесс создания, а равно и поддержания этих отношений является процессом психическим, который складывается из психических актов, объективирующихся в общественном масштабе, то тем самым установлен общественно-психический характер «базиса».

Я утверждаю, что против этой аргументации в нашей сре-

⁶ При «понятливости» некоторых критиков я должен оговориться: здесь речь идет о плоскости логической, которая, конечно, имеет свой социально-экономический эквивалент.

де не было выставлено контраргументации. Поэтому мной предлагается новое, материалистическое решение задачи, идущее по линиям марксовых решений. Это решение таково. – Под производственными отношениями я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени. Система этих отношений настолько же «психична», как система планет вместе со своим солнцем. Определенность места в каждую хронологическую точку – вот что делает систему системой. С этой точки зрения всякая психичность базиса исчезает. А то обстоятельство, что опосредствующим моментом являются психические элементы, нисколько не разрушает и не нарушает стройности нашей аргументации: опосредствующим моментом служит в процессе совокупного воспроизводства общественной жизни и любая из надстроек. Предлагаемое решение я считаю единственно верным и единственно материалистическим. Без него, кроме того, нельзя дать ответа Адлерам и К°.

5. Надстройка и идеология. Структура надстроек. Анализ этих общественных явлений в их статическом разрезе⁷ был крайне недостаточным. Отсюда происходил целый ряд недоразумений, ошибок, а также теоретических тупиков и ложных «кажущихся» объяснений. Например: исследовате-

⁷ Для «понятливых» критиков, могущих поднять шум, анализ типичных черт структуры и есть статический «разрез». Это, конечно, не снимает обязанности анализировать данную структуру и с точки зрения ее движения, т. е. в динамике.

ли натыкались на научную лабораторию, с ее орудиями труда, своеобразными трудовыми отношениями и т. д. Отсюда вывод: лабораторный (гспр., всякий научный) труд относится к производству. Развивая дальше это положение, приходили к тому, что всякий общественно полезный труд есть производительный труд. В результате все тонуло в этом «производстве», и марксистская теория превращалась в нелепое объяснение части целым, не более. Или не знали, куда девать в архитектурной схеме Маркса такие явления, как научная ассоциация, бюрократический аппарат, философское общество, астрономическая обсерватория.

Поэтому я предложил в своей книге прежде всего отделить понятие идеологии и надстройки, взяв надстройку как понятие более широкое и общее. Идеология – система мыслей, чувств, образов, норм и т. д. Надстройка включает в себя и многое другое. А именно, в надстройках мы должны отличать три главные сферы:

1) Техника данной надстройки, «орудия труда» (лабораторные инструменты в науке; дома, пушки, счеты, диаграммы etc. в госаппарате; кисти, музыкальные инструменты и т. д. в искусстве и пр.).

2) Отношения между людьми (научное общество, бюрократическая организация, людские отношения в художественной мастерской, координация людей в оркестре).

3) Системы идей, образов, норм, чувств и т. д. (идеология). Я пытался далее провести этот анализ еще дальше, т. е.

пытался наметить вехи еще большего дробления и дифференциации (на примере музыки и др.). Тем самым отпадает целый ряд трудностей, которые были раньше, и историко-материалистический метод становится точнее и острее.

6. Зависимость надстроек от базиса. Вышеописанная точка зрения намечает гораздо более конкретную постановку вопроса о зависимости надстроек от базиса и через него от производительных сил. Основной недостаток, если так можно выразиться, сплошной постановки вопроса состоял и состоит в неопределенности понятия «зависит» или «определяется». Именно на этой почве возникали «уклоны» в среде марксистской и марксистскообразной публики. Стоит вспомнить работы тов. Шулятикова («Оправдание капитализма в западноевропейской философии») или Элевтеропулоса, а также многих других. Критические фаланги врагов не раз использовали этот разнобой. Между тем если мы внутри каждой надстройки различаем ее элементы, то не трудно показать, какова конкретная зависимость этих элементов – 1) друг от друга, 2) от элементов других надстроек, 3) этих последних от базиса, 4) непосредственно от базиса, 5) непосредственно от техники и т. д. и т. п. Всякие «уклоны» или упущение, вульгаризация, «сплошная» постановка вопроса тем самым отпадают. Зато, правда, на исследователя возлагается обязанность очень глубокого «погружения» в анализ данной надстройки, т. е. очень кропотливого труда. Но, само собою понятно, это не есть аргумент против моих «нов-

шеств».

7. Надстройки как сферы дифференцированного труда.

Я ставил своей задачей также анализировать надстройки с точки зрения труда. Маркс недаром говорил об «интеллектуальном производстве» и «идеологических сословиях» (*ideologische Stände*). Не буду говорить здесь о практическом значении этих вопросов специально для нашего времени и специально для нашей партии. Ограничусь чисто теоретической мотивировкой такого «аспекта».

Во-первых. Такая точка зрения прекрасно освещает вопрос о соотношении материального производства с производствами «интеллектуальными» и наглядно демонстрирует всю нелепость «сплошной» постановки вопроса и в этой области (все «полезное» – производство); в частности, при таком решении вопроса ясно, что интеллектуальный труд постоянно как бы вытекает и затем обособляется от материального производства; казуистические хитроумные вопросы относительно категорий, лежащих на самой границе этих областей, методологически отпадают совершенно так же, как якобы «ужасные» вопросы о промежуточных социальных группировках и других текущих величинах.

Во-вторых. Такая постановка вопроса позволяет объяснить необходимость как появления тех или иных видов надстроечного труда, так и своеобразную диспозицию различных отраслей этого труда, т. е. относительные размеры их в данном обществе (такие вопросы, как, напр., вопросы про-

порции между материальным и нематериальным трудом; о пропорции между различными видами «духовного» труда и т. п., мне кажется, ранее не ставились вообще; между тем это необходимо для объяснения целого ряда существеннейших явлений; ср., напр., практическую ценность для нас вопроса о материальном производстве и административнобюрократическом аппарате).

8. «Способ представления» и формирующие принципы общественной жизни. Я считал своей теоретической обязанностью поставить на первый план забытое всеми положение Маркса о «способе представления» («Vorstellungsweise»). Не подлежит никакому сомнению, что это понятие было у Маркса понятием, соотносительным со «способом производства». Другими словами, определенному способу производства соответствует, определяясь им, и адекватный способ представления. Маркс не разработал вопроса о способе представления так же логически ясно и точно, как вопрос о способе производства. Но из его отдельных замечаний (напр., о том, что нужно разработать вопрос об «интеллектуальных сословиях» и т. д. и т. п.) совершенно ясно вытекает, как он смотрел на постановку этих проблем. Этим решается вопрос о едином основном «стиле» общественной жизни снизу доверху и об исторически относительном характере всяких и всех идеологий, взятых не с точки зрения отдельных их положений (которые могут быть вечны), а с точки зрения типов связи между ними, тех особых принципов ко-

ординации, которые и составляют конститутивный признак понятия о «способе представления».

9. Физиология человека и законы общественного развития. Бесконечные споры о соотношении между законами биологии и социологии и т. д. я пытался поставить на совершенно иную почву. А именно, физиологические особенности людских групп, а равно и соответствующие им особенности психологические я рассматриваю как квалификацию определенных рабочих сил общества (психофизиологические особенности крючника, музыканта, организатора производства, купца, шпиона, шофера, офицера и т. д.). При таком решении проблемы не получается того нелепого удвоения «законов», которое встречается на каждом шагу даже в лучших марксистских работах (с одной стороны законы биологии, физиологии и т. д., с другой – законы общественного развития). На самом деле одно есть «инобытие» другого. Одно и то же явление рассматривается с разных точек зрения. Психофизиологическая структура крючника и квалификация его рабочей силы – не две разные величины, а два разных способа рассматривать одну и ту же величину. Особенно ясно вскрывается это при изучении тейлоризма, психотехники и т. д.

10. Материализация общественных явлений. «Новшеством» с моей стороны является и развиваемая мною теория материализации общественных явлений, своеобразный процесс аккумуляции культуры, когда общественная психоло-

гия и идеология уплотняются и оседают в виде вещей, имеющих оригинальное общественное бытие. Эта материализованная, образно выражаясь, уплотненная до степени материального, общественная психология и идеология становится, в свою очередь, отправной точкой для всякого дальнейшего развития (книги, библиотеки, галереи, музеи и пр. и пр.). Если материализация общественных явлений есть один из основных законов развивающегося общества, то ясно, что в соответствующих областях (т. е. надстройках) анализ нужно начинать отсюда. Материалистическая точка зрения и здесь получает свое новое подтверждение.⁸

11. Закономерность переходного периода и закономерность упадка. Одним из центральных возражений против исторического материализма является указание на якобы мистическую сущность производительных сил у Маркса, которые должны, неизвестно почему и неизвестно отчего, во что бы то ни стало развиваться. Грех утаить, что последнее «требование» к производительным силам предъявлялось не раз в сочинениях марксистов. Но сам Маркс в этом нисколько не повинен, потому что он не раз указывал на случаи «гибели обоих борющихся классов», вместе с ними – всего общества, вместе со всем обществом, следовательно, – и его производительных сил. Вопрос о том, суждено ли обществу развиваться или погибнуть, не может быть решен абстрактно в ту

⁸ Кстати сказать: как умно выглядят те из наших критиков, которые упрекают меня в совсем противоположных «тенденциях»!

или другую сторону. Он может быть решен только на основе конкретного анализа.

Точно так же эмпирически доказано, что переходные периоды, сопровождаемые революциями, связаны с временным, более или менее длительным падением производительных сил.

Следовательно, обычная формулировка основ теории исторического материализма, начинающаяся со слов: «рост произвол. сил», слишком узка, ибо не охватывает ни эпох упадка, ни переходных революционных периодов.

Я поэтому и здесь считал своей теоретической обязанностью дать анализ закономерности этих явлений, игравших и играющих немаловажную роль. Сделать это было тем более необходимо, что без такого анализа нельзя понять и современность. Социологическая характеристика этих периодов как периодов отступления производительных сил под влиянием надстроек с постоянной лимитацией этого влияния предыдущим состоянием производительных сил; другими словами, характеристика основной закономерности их как растянутого во времени процесса обратного влияния надстроек (в случаях переходного периода до момента установления нового общественного равновесия) дана со всею определенностью и уложена в общетеоретические рамки.

С другой стороны, я старался дать и формулировку необходимых фаз в процессе революции, опираясь отчасти (как и в «Экономике перех. периода») на замечания тов. Криц-

мана, которому принадлежит приоритет в решении данной задачи. Таким образом, телеология была изгнана из своего последнего убежища.

Я коснулся в данной статье лишь своих главных «новшеств». Мог бы перечислить и целый ряд других: в учении о классах, о соотношении между вождями и партией, в учении о революции и пр. К сожалению, у меня нет времени, чтобы останавливаться на всем этом. Приходится извиниться перед читателем даже за фрагментарный характер данных «беглых заметок». Задачи, стоящие перед нами, как видно и из них, очень сложны. По мере сил я старался их решить. Всякому понимающему человеку, а тем более большевику, ясно, что общая тенденция моих «нововведений» идет по линии развития ортодоксального, революционного и материалистического понимания Маркса. Я принял бы с благодарностью всякое ценное указание, ибо широкое сотрудничество здесь обязательно так же, как и во всякой другой области.

Но, быть может, читатели воскликнут:

«А почему же о всех этих проблемах, действительно серьезных и действительно основных, ни один из ваших критиков даже не упомянул, если не считать исключений за правило?»

– «Спросите у ветра в поле»... как посоветовал однажды Кнут Гамсун по совсем другому поводу...

1923 г.